

Тому тільки людина має здатність піднятися над собою, ідеально відмовитись від своєї емпіричної природи і піднявшись над нею, аналізувати, оцінювати її. Тільки духовне начало в ній, принципово відмінне від усіх емпіричних якостей (зокрема, й інтелектуальних), що виходить за межі її емпіричної природи взагалі, є те щось, що властиве самій лише людині і що визначає її справжню своєрідність. Такі погляди поділяли М. Гайдеггер, М. Бердяєв, В. Соловйов, С. Франк, М. Шелер, Ж.–П. Сартр та інші філософи.

Отже, філософи на різних етапах розвитку філософії прагнули розгадати природу людини, віднайти в ній щось своєрідне, завдяки чому людина є людиною. В різні епохи розуміння цього сутнісного чинника інтерпретувалися по-різному, що цілком закономірно при вивченні такого складного та суперечливого об'єкту.

Таким чином, провідною тенденцією сучасної світової історичної науки є її "антропологізація", тобто перетворення її з історії соціально-економічних та політичних систем в історію людини. Це явище є гуманістичним, прогресивним, перспективним. Сутність антропологічного підходу зводиться до спроби визначити специфіку, основи та сфери власне людського буття, людської індивідуальності, творчих можливостей людини, виходячи із самої людини і через неї, пояснити як її власну природу, так і смисл та природу навколишнього світу.

Історичне пізнання як антропологія об'єднує конкретно-наукове, предметне вивчення різноманітних сторін і сфер людського буття з цілісним філософським його осягненням, тобто шляхом осмислення та застосування наукового знання відновлюється цілісний філософський образ людини.

Антропологізація історичного пізнання робить наукові дослідження більш змістовними, об'єктивними, тому що наповнює їх людським фактором. Адже завдяки системному підходу до вивчення історичної дійсності, завдяки комплексному науковому аналізу робляться найвизначніші відкриття.

Список використаних джерел

1. Гобзов И.А. Введение в философию истории. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М. : ТЕИС, 1999. – 363 с.
2. Бондаревська І. Естетичний підхід в історичному дослідженні [Електронний ресурс] / Бондаревська І. – Режим доступу : dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/2003. – 7 с.
3. Ліотар Ж.–Ф. Ситуація постмодерну / Ліотар Ж.–Ф. // Філософська і соціальна думка. – К., 1995. – № 5–6.
4. Павлов Ю.В. Постмодерн: новое видение ценностей / Павлов Ю.В. // Человек и христианское мировоззрение. Альманах. – Симферополь, 2002. – Вып. 7: Жизненные ценности и идеалы XX века. – С. 49–51.
5. Семенов Ю.И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю.И. Семенов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.
6. Фромм Е. Втеча від свободи: Пер з англ. / Фромм Е. / заг. ред. П.С. Гуревича. – М. : Прогрес, 1989. – 272 с.

References

1. Gobozov I.A. Vvdenie v filosofiju istorii. – Izd. 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe. – M. : TEIS, 1999. – 363 s.
2. Bondarevska I. Estetichnij pidhid v istorychnomu doslidzheni [Elektronnij resurs] / Bondarevska I. – Regim dostupu : dspace.pnpu.edu.ua/bitstream/2003. – 7 s.
3. Lyotar J.–F. Sytuacija postmodernu / Lyotar J.–F. // Filozofska i socialna dumka. – K., 1995. – № 5–6.
4. Pavlov Y.V. Postmodern: novoe vidinie zennostej / Pavlov Y.V. // Chelovek i christianskoe mirovozzrenie. Almanac. – Simferopol,

2002. – Vip.7: Giznennie zennosti i ideali XX veka. – S. 49–51.

5. Semenov Y.I. Filosofija istorii: obschaja teoriya, osnovnie problemi, ideali i conceptsii ot drevnosti do nashich dnei / Semenov Y.I. – M. : Sovremennie tetradi, 2003. – 776 s.

6. Fromm E. Vtecha vid svobody: Per. s angl. / Fromm E. / Sag. red P.S. Gurevicha. – M. : Progress, 1989. – 272 s.

Charkina T. I., Candidate of historical sciences, senior lecturer in supervisory and preventive activities, National University of Civil Defense of Ukraine (Ukraine, Kharkov), tatyancharkina@mail.ru

Anthropologization of the historical cognition in Post-Modern period

The modern stage of philosophical knowledge development leads to the search for new ways and methods of cognitive practice. It is expressed in the problems of social cognition and historical cognition studies as their important component.

The research exposes the concept of historical cognition, characterizes it as anthropology. Historical digression is conducted into the human problems study, the concept "anthropologization" is exposed and its value for historical cognition is defined.

Historical cognition as antropology combines specifcily-scientific and subjectional studies of different sides of human existance with its whole philosophical comprehension. In a way of understanding and using the scientific knowledge the whole human's philosophical image is renewed. Antropologization, which means historical transformation from socially-economical and political systems to the human history. Antropologization of the historical cognition makes scientific researches more meaningful and objective, as it fills them with the human factor. Because the most important dicoveries are made by virtue of the systematic approach to the historical reality learning and of the complex scientific analysis.

Keywords: historical cognition, methodology, anthropology, "anthropologization", "school of Annals", historical and anthropological approach.

Чаркина Т. И., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры надзорно-профилактической деятельности, Национальный университет гражданской защиты Украины (Украина, Харьков), tatyancharkina@mail.ru

Антропологізація історичного пізнання в період постмодерна

Современный этап развития философского знания приводит к поиску новых путей и методов познавательной практики. Это находит свое выражение в изучении проблем социального познания и исторического познания как важной его составляющей.

Исследование раскрывает понятие исторического познания, дает характеристику как антропологии. Проведен исторический экскурс в изучение проблем человека, раскрыто понятие "антропологізація" и определено ее значение для исторического познания.

Историческое познание как антропология, объединяет конкретно-научное, предметное изучение разных сторон и сфер человеческого бытия с целостным философским его пониманием, то есть, путем осмысления, и применения научного знания восстанавливается целостный философский образ человека. "Антропологізація" – превращение истории из социально-экономических и политических систем в историю человека. Она делает исторические исследования более объективными, потому что наполняет их человеческим фактором. Ведь именно благодаря системному подходу к изучению исторической действительности, комплексному научному анализу проводятся величайшие открытия.

Ключевые слова: историческое познание, методология, антропология, "антропологізація", школа "Анналов", историко-антропологический подход.

* * *

УДК 141.1:316,324,8

Шедяков В. Е.

доктор социологических наук, кандидат экономических наук, независимый исследователь (Украина, Киев), shedyakov@mail.ru

ЦЕННОСТНО–СМЫСЛОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ФАКТОР АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА

Исследуется роль ценностно-смысловых комплексов в реализации как объективных исторических закономерностей трансформации культурно-цивилизационных миров, так и возможностей реализации субъективного воздействия на них. Для этого анализируется место, содержание и возможности в формировании отношения к окружающему миру и общественной практике ценностей, целей, потребностей, способностей, интересов, стимулов, заинтересованности. Изучаются процессы формирования и действия ценностно-смысловых комплексов, характерных для человека и культурно-цивилизационного мира. Делается вывод о перспективных путях повышения эффективности социально-экономических реформ. Перспективы дальнейших научных разведок в данном направлении связаны, по нашему мнению, как с изучением социального и индивидуального измерения существа концептуального коррелята, так и с компаративистикой в сфере социокультурной статистики и динамики, включая возможности

ресурсной базы ретроанализа и партисипаторного акционистского исследования.

Ключевые слова: ценностно-смысловые комплексы, развитие, антропосоциогенез.

(статья друкється мовою оригіналу)

На протяжении всей истории человечества ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационных миров, реализуя себя, превращались в одну из доминант антропосоциогенеза. При этом формирование системы представлений у человечества происходило под давлением особого значения плодородной земли (для земледельцев) и величины территорий, в том числе – охотничьих угодий (для скотоводов и охотников). Последующие этапы разделения труда вынесли в число особо важных (и обособленных) функции, организации и управления, научного обслуживания производительной деятельности. Сейчас приоритет в обеспечении успеха национальной экономики в системе международных отношений все заметнее переходит к социальному капиталу, характеризующему уровень гармонии человеческой жизнедеятельности, качество отношений между людьми, прежде всего – обоюдного доверия. При создании плодотворной хозяйственной среды с усилением тенденций постмодерна с присущими ему глобализацией процессов хозяйствования и появлением все более утонченных и изощренных инструментов перелива возможностей и рисков активно возникают кластеры развития, где в первую очередь поднимается качество жизни, уровень экономики, куда приходят новые добросовестные долгосрочные инвестиции, технологии [1–4]. И, разумеется, чтобы различные факторы производства были активизированы из состояния потенциала и сведены воедино, необходим качественный и профессиональный труд. Таким образом, крайне актуализируется как фундаментальное значение ценностно-смысловых комплексов в жизни культурно-цивилизационных миров и всей ойкумены, так и место трудовых отношений в их закреплении и распространении.

Методологическая основа статьи: достижения известных научных школ анализа системы ценностей и оценки культурной системы общества (от Дж. Мура до А. Агга, В. Андрущенко, Л. Архангельского, Э. Афолина, В. Бакирова, Ю. Борисовой, В. Брожика, М. Вебера, П. Вильямса, Л. Винстоффлера, И. Витаньи, Г. Гака, Е. Головахи, М. Гуревича, О. Дробницкого, Б. Дубина, А. Здравомыслова, И. Ильинского, Х. Йоаса, И. Кона, М. Кагана, М. Князевой, Ю. Левенца, М. Лившица, Н. Лосского, К. Мангейма, Н. Паниной, В. Паниотто, Т. Парсонса, Н. Победы, И. Поповой, М. Рокича, А. Ручки, П. Сорокина, У. Томаса и Ф. Зनावецкого, В. Тугаринова, Р. Унглхарта, Э. Фромма, Ю. Шайгородского, М. Штирнера, Д. Юма, В. Ядова и др.) – являются надежной основой, как государственного управления, так и местного самоуправления. См., также, анализ регулятивной роли традиций у С. Арутюнова, В. Барулина, В. Воловика, И. Забелина, Н. Злобина, Н. Кареева, М. Ковалевского, Н. Коркунова, В. Малинина, В. Плахова, И. Снегирёва, Н. Солнцева, А. Спиркина, И. Сушкова, Н. Харузина, В. Хвостова; И. Баховена, Д. Лебока, Д. Мак-Леннана, К. Поппера, Ф. фон Хайека, Д. Фрэнзера. Эффективное

развертывание этого инструментария в складывающихся условиях предполагает применение многочисленных исследований по вопросам социального управления, путем стимулирования желательных изменений. Дальнейшее использование соответствующих методик требует уточнения представлений о характере опосредующих звеньев этого процесса, что и становится задачей данной статьи.

Действие объективных закономерностей антропосоциогенеза отнюдь не исключает возможностей целенаправленного воздействия на него [5–8]. Причем доминанта влияния ценностно-смысловых комплексов реализуется как в том, так и в другом случае. Ценностно-смысловые комплексы определяют не только расстояние, которое в состоянии преодолеть конкретный культурно-цивилизационный мир, не только скорость и ловушки движения на этом пути, но и сам путь, сами оси антропосоциогенеза [9–16]. В целом тип культуры и тип богатства – два выражения ценностного бытия общества. Если утилитарно-прагматические ценности производны от способа производства непосредственно либо через структуры потребностей, то абсолютные ценности, ценности-идеалы влияют на производство как первичные. Для них достойными могут быть признаны лишь глубоко личные, соответствующие общественно-необходимым уникальным особенностям каждого и потому находящиеся вне конкурса целей. Достижение их – результат не службы, а служения. Их образ – окно в инобытие, форма взаимоперехода идеального и реального; образ способен не только материализоваться, но и предсказывать свою материализацию. Это – лик (не личина, не лицо) человеческой культуры.

Ценностно-смысловые комплексы – регулярно воспроизводимые мировоззренческие структуры, которые включают в себя элементы как кросскультурные, так и специфические для каждого конкретного культурно-цивилизационного мира [17–19]. Смыслы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очерченность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего мира. Факты социальной жизни получают символическое значение, подчеркивает серьезность решений, это схоже с объявлением какой-то тайны, ее публичным одобрением, после чего трудно будет изменить решение. Целенаправленное влияние на состояние общества предполагает особое внимание к уровням хозяйственного механизма общества (как более подвижной, актуальной части экономики), его материально-технического оснащения, производительных сил и сферы идеального. При этом духовные отношения, сфера нравственности и морали – не “надстройка”, а стержень экономики. Доверие – необходимый элемент здорового социального механизма. Не только “сон разума рождает чудовищ”; еще более опасные химеры могут иницироваться аморальным интеллектом. В истории есть что-то гораздо более широкое и абсолютное, нежели простой баланс эгоистических интересов и рациональное столкновение сил. В ней (в том числе в ее

экономической составляющей) осуществляется нравственное содержание, формируемое тысячелетиями взаимодействия и кооперации. За использование же отрицательной моральной силы для реализации своего Сверхпроекта, за насилие над моралью и человечностью всегда следует расплата. И возмездие обязательно, хоть воздается не всегда виновному, чаще история “бьет по площадям”. Ценностно–смысловые комплексы культурно–цивилизационных миров, спянные моралью и традициями, обеспечивают сосуществование, партнерство и развитие людей (в том числе – в хозяйственной сфере). Напротив, контртрадиционная (то есть рассудочно сконструированная) система морали на деле становится возвратом к технотронному варварству с господством права сильного, апологией инстинктов и расчеловечиванием общественной жизни. Технократический выигрыш от роста материальных благ и культуртрегерских политехнологий оборачивается обесмысливанием жизни, обезличиванием человека, превращением его в винтик бездушных бюрократических структур с жёстким разделением жизни на время труда и потребления вплоть до высшей степени отчуждения – гибели в нескончаемых конфликтах. У отчуждения, у несвободы вообще много масок. По мере развития идеи часто утрачивают первоначальный смысл, меняя то сущность, то форму и перенимая черты все новых своих носителей. Более того, идея может отчуждаться и в сознании одного и того же человека: в каждой из них содержится потенциал (само)разрушения. Но, бесспорно, многое зависит и от качества базовых ценностно–смысловых комплексов культурно–цивилизационных миров, общественной морали и традиций, и от характера самой идеи. При этом, разумеется, отчуждение совести может вовсе не противоречить искренности убеждений.

Человек, достойный идеала, сам становится идеалом. Вместе с тем, отождествленность с идеалом и несет потенциал доктринерства, и обрекает на чуждость земному существованию: все точно отраженные и запечатленные в литературе образы идеальных, безупречных служений выходили вонне материального плана существования. Так человек умирает, когда душа отлетает от тела, но и душа умирает, когда попадает на землю. Желание добродетели и есть воспоминание об идеальном, тоска по нему. Будучи принужденным к земному воплощению, идеал остается отражением совершенности, воплощения высоты и истины, предвосхищения того, кем можно стать, а приближение к нему сокращает срок земных тягот. При этом индивидуальная близость к идеалу требует постоянной напряжённой работы души и духа, поиска отражения идеала в себе и других. Сознательная активность каждого по защите и развитию базовых ценностно–смысловых комплексов культурно–цивилизационного мира включает как осознанность, понимание выбора, так и самостоятельное ответственное решение относительно своего действия/бездействия. Разумеется, существует специфика осознания идеала, святости и заповедности, их восприятия и интерпретации. Причём существование любого типа общественного идеала во всех без исключения социальных образованиях предопределено, в первую очередь, стремлением

осмыслить противоречивый характер общественного бытия и найти производительные пути его улучшения. И если условия существования развитого общества выводят на ведущее для существования общественного идеала место отношения типа “человек – общество”, то в первобытном социуме имеет место доминирование отношений “человек – природа”. В то же время, функционирование общественного идеала во время древнейшего общества имеет ряд весьма существенных особенностей, связанных, в частности, и с тем, что на то время место человека в мире еще не достигло ни конкретно–общего, ни абстрактно–понятийного уровня, находилось преимущественно в виде чувственно образных представлений, а общественный идеал был непосредственно вплетенным в ценностно–смысловые комплексы, оказываясь его важной составной частью. Соответственно, отражение действительности в таком типе идеала имеет нереальные, фантазмагорические черты и направлено за пределы той социальной структуры, где осуществлялась непосредственная жизнедеятельность людей.

Предоставляя путь долга, милосердия, сопереживания и чести, а также расширяя диапазон преодоления разнообразных фобий на нем, ценностно–смысловые комплексы выливаются в жизненную позицию, формируют формы жизни и развития культурно–цивилизационного мира. При этом они создают нравственную ось, вокруг которой происходит нарастание родовых сущностных сил человека в конкретных моделях, предоставляемых различными политическими режимами и общественными системами, религиозными доктринами и идеологическими подходами, свойственными разным историческим эпохам и социальным образованиям. Существование базовых ценностно–смысловых комплексов культурно–цивилизационного мира через и посредством их осознания людьми, фиксация в предметах материальной и духовной культуры требуют творческих усилий и служения идеалу. При этом реальность культурно–цивилизационного мира становится отражением характера, состояния и вектора динамики базовых ценностно–смысловых комплексов в общественной практике.

Легитимация намерений в действиях – символ осуществления намерений по отношению к событиям, а также способ публично доказать истинность своих мотивов. Также частым вариантом является желание придерживаться традиции общества и группы, закреплённой в институтах общества. Поэтому понятие институционализации стало центральным в концептуальной модели, разработанной Т. Парсонсом. Категория “социальный институт” по Парсонсу выражает суть упорядоченной социальной жизни. В его теории социальные институты выступают как особые ценностно–нормативные комплексы, регулирующие поведение индивиды, и как устойчивые конфигурации, задающие статусно–ролевую структуру общества. Основная цель институтов заключается в регуляции деятельности отдельного индивида. Собственно институты являются комплексами институционализированных ролей, интеграция которых является задачей стратегической важности, тогда как в мире настоящего их место занимает различными

соціальними сетями. Структурообразующими элементами института и сетевой среды выступают правила, нормы и образцы поведения, которые определяют действия человека, группы и общества. В то же время сохранение смыслов цивилизации в глобализирующемся мире невозможно не при попытках автаркии и консервации, а исключительно через развитие: велосипед или движется, или падает. Так что проблема не столько в осознании своей цивилизационной особенности, сколько в ее использовании, в обеспечении особенности развития.

В то же время характер подобной конкуренции смыслов часто (особенно – в сетевом обществе) определяется не столько жесткими государственными границами, сколько регионами. Как правило, например, представители современного стиля поведения в большей мере стремятся к самореализации, потому в целом их ценности рационализируются, а они более активны и уверены в себе, тогда как аграрное население традиционных производств больше ориентировано на социальное окружение, конформизм и традиции. Как известно, в организационной культуре и превалирует или агрессивный подход (разрешения и запрещения), или миролюбивый (предписания и заповеди). Соответственно, доминируют отношения либо конкуренции, либо партнёрского сотрудничества. Эти главенствующие подходы пронизывают системы мировоззрения, ценностей и норм, убеждений и отношений (мифов, обрядов, ритуалов), а соответственно, и восприятия роли изменений, фактора времени, отличий по признакам пола, возраста, этнических особенностей и т.п., инициируя доминирование индивидуалистической либо коллективистской культуры (которые зримо отличаются в параметрах отношения к вмешательству в личную жизнь, степени влияния организации на самочувствие каждого, патернализма и расчёте на поддержку группой, иерархическое продвижение – исключительно внутри знакомой среды и соответственно стажу либо как внутри, так и вне в соответствии с компетентностью, дистанционность или сплоченность в социальных коммуникациях, правило “жить, чтобы творить” либо “получать, чтобы потреблять”, стремление быть первым или быть как все, тяга к независимости или солидарности, социальная расположенность к успешным или неудачникам, доминирование логики или интуиции при принятии решений и проч.). Соответственно, частота выражения своего несогласия для культуры с высоким уровнем дистанцирования власти – преимущественно, низкая, тогда как с низким уровнем – высокая, предпочитаемый стиль управления в первом случае – директивный, во втором – демократический, восприятие неравенства – в первом случае, в основном, как неравенства людей, во втором, как неравенства ролей, отношение к представителям аппарата управления “они” или “мы”, кардинально меняются также доступность руководства, соотношение права и традиции, архитектоники социальных структур, размеры дифференциации доходов и состояний, многочисленность периферийных социальных групп, степень информированности членов групп, статусность представителей разных групп, поведенческие особенности в связи с высоким / низким

уровнем избегания неопределенности. И если инструментальные, актуальные жизненные ценности вторичны по отношению к иерархиям потребностей, то ценности фундаментальные сами во многом их определяют. Иерархии же ценностей активно участвуют в выработке мотивов активности человека, а в совокупности – его поведенческие характеристики. Таким образом, для коррекции муниципальной политики имеет смысл анализировать весь комплекс связей “ценности – мотивы – поведение”. В каждом конкретном случае его воздействие накладывается на субъективные особенности. Ценностный концептуальный коррелят, формирующий стиль жизни жителя крупного города, складывается под давлением огромных информационных потоков. Субъективные аспекты доверия и предпочтения информационных каналов трансформирует потребительскую избирательность и активность.

Как отмечает В. Брожик, “мы имеем дело... с тремя различными группами фактов, на которые распространяется понятие ценности. Во-первых, это общественное бытие вещей и событий, которые являются ценностными и которые объективно существуют независимо от оценочного процесса в качестве скрытой предпосылки, предмета оценки. Во-вторых, это те актуальные, действительные проявления ценности, обычно характеризующиеся нами с помощью эпитетов “этические”, “эстетические”, “политические” и т.п. в зависимости от использованных критериев, сквозь которых общественное бытие вещи выявляется нам вполне определенным образом. И, в-третьих, это ценностное значение знака (т.е. события, вещи, действия), который на основании принятого кода возведен на уровень знакового инструмента и наделен соответствующим значением” [20, с. 29]. Помимо этого, распространена (психологическая – в терминологии В.Брожика) трактовка ценности: ценность – комплекс желаний, целостное представление, порожаемое интересами субъекта и имеющее мотивационную функцию.

Ряд авторов сводит ценность к благу, полезности вещи и ее свойствам. Однако, ценность – не вещь, не предмет сам по себе, но и не явление сознания, не отношение к предмету. Ценность существует лишь при помощи представления, но является помимо него. Ценность характеризует опредмечиваемое сознание или оцененный предмет в их взаимном переходе. Предмет (объект или субъект – безразлично) наделяется ценностной характеристикой, будучи внешним по отношению к сознанию того, кто полагает и считает его ценностью. Но без сознания предмет ценностью не станет. Ценности возникают с появлением общественного сознания и являются его феноменом. Отражаясь индивидуальным сознанием (ибо кроме него нет ничего в сознании общественном), они становятся в нем следом-отражением общественного. Это подтверждается утратой ценностной ориентации при отторжении от человеческого общества, отсутствием системы ценностей не только у животных, но и у людей, оторванных от социальной среды. Существовая в единичном, ценности остаются отражением всеобщего.

Способности комплексно-компенсационны; гипертрофированное развитие одной из них за счет

ущемления последних ставит препятствия развитию всех. Гуманистичнее не обособленное развитием одного человеческого качества, а всестороннее становление всех характеристик личности. При этом, поскольку сфера человеческой деятельности заранее жестко не обусловлена, задатки человека могут быть с аналогичными или близкими результатами реализованы в различных способностях, а те и другие вместе найти применение в различных сочетаниях сфер деятельности, в основе же идентичных достижений могут лежать различные сочетания различных свойств. Вместе с тем, нецелесообразное и нерациональное может быть гуманнее целесообразного и рационального. Способности вариативны: эффективность действия – оперировать нужно не столько какой-либо отдельной способностью, сколько их совокупным сочетанием. Мера имеющихся способностей раскрывается как гармоничность их. Движение к древнегреческому идеалу гармоничной личности – наиболее надёжное основание мобилизации и развертывания производительного человеческого потенциала в процессе социокультурного антропогенеза. Гармоничное развитие личности – это не только разносторонность или разносторонность; само по себе совершенствование различных качества не становится качественно новым состоянием личности, пока не будет интегрировано в гармоническое единство, при котором становление каждого из качеств основано на развитии других и увеличивает потенциал всех остальных его черт. Гармоническим единством является возвращение целостности одаренного человека на уровне всестороннего развития сущностных сил. Способности имеют личностно-родовой характер. Мы не можем согласиться с абсолютизацией любой из этих сторон: родовой уровень формирования способностей принимает специфические черты в индивидуальном выражении. Человек не пассивно воспринимает способности, а преобразует их – сознательно или бессознательно. Способности являются жизнетворческими и человекотворческими образованиями, создавая в процессе своего становления условия и конкретную социальную внешность человека как носителя жизни. Развивая свои способности и способности других, человек реализует “категорический императив”, повелевающий отбросить недостойные отношения.

Внешне взаимодействие способностей и потребностей в процессе антропосоциогенеза создает впечатление о способности как причине потребностей, однако генетически первичны по отношению к потребностям не способности, а задатки, одаренности. Напротив, появление способностей из них может произойти (а может и не произойти) только под влиянием потребности (в некоторых случаях формируемом давлением обстоятельств). Наши настоящие способности есть отражение назревших потребностей и раскрываются они под влиянием наших интересов. Чего мы не хотим, того не можем, на деле мы можем только то, чего хотим, становимся в состоянии на это из-за того, что оно необходимо. Не будучи востребованным необходимостью, тот или иной задаток так и не вырастает в способность. Но даже самая элементарная потребность ведет к осуществлению деятельности, в ходе которой

соответствующий задаток развертывается в возможность удовлетворения потребности. Если создается впечатление о способности, которая существует, но не осуществляется из-за отсутствия потребности в ней, это – надуманная, воображаемая способность, которая не может себя проявить, а значит, доказать истинность своего реального бытия.

Таким образом, из имеющихся задатков потребность создает органы своей реализации, формирующие способность. Вместе с тем, существует и связь “способность – потребность”, но генетически она вторична, производна. Процесс деятельности, создающий способности, дает импульс к развитию потребностей. Но, во-первых, это уже иная пара (“деятельность – потребность”), во-вторых, как правило, это уже предполагает наличие способности, которая до того уже возникла из задатков под влиянием потребности. Есть возможность различения отдельных способностей и не согласны с утверждением об отсутствии общей структуры способностей, поскольку, якобы, не может быть “способностей к X-деятельности” [21, с. 57]. Понятие и структура деятельности и способностей неждественны. Способности различаются как 1) естественные и социальные, 2) материальные и духовные, 3) творческие и потребительские, 4) хозяйственные и внехозяйственные, 5) эмоциональные и рациональные. В основании способностей находится единство воли, разума и чувств.

Потребность – явление необходимости, нужды в определенных взаимосвязях с окружающим миром для нормативного функционирования и развития человека и общества, любого биосоциального субъекта, концентрированное выражение зависимости его от условий внешнего мира. В разных культурно-цивилизационных мирах иерархии и восприятие потребностей изменяются. Даже под давлением свойственных глобализации унификации и стандартизации вкусов, разница в формируемых разными социумами и социокультурными традициями потребностях сохранилась. Более того, действие рождает противодействие: усиливаются движения за сохранение своей идентичности, уникальности системы взглядов своего культурно-цивилизационного мира. При этом потребности производны от характера ценностно-смысловых комплексов, но и в самих потребностях можно выделить отношения как их внутренний момент. Причем с этих позиций потребности предполагают: субъектов, вступающих в отношение; объект, по поводу которого складывается отношение; само отношение между субъектами. Но отсюда следует существование в рамках потребности и отношения субъектов к объекту, а также асимметричность (из-за различия их положения относительно объекта и друг друга) и поэтому противоречивость отношения между субъектами, вступающими контрагентами. Сейчас подобное понимание потребности заслужено стало доминирующим. Но не прекращаются попытки дать более точную трактовку явления. С одной стороны, потребности объявляются свойствами субъектов, объективным состоянием организма, с другой, – производственными отношениями. Кроме того, их

пытаются свести к особенностям вещного окружения человека, а также к формам фиксации отсутствия чего-либо. Сторонники первой из этих трактовок на деле осуществляют переход к субъективизации и произвольности потребностей, выводя их из-под регулятивных возможностей социума и разрывая связь с основой – ценностно-смысловыми комплексами, причем первопричина качеств, отождествляемых с потребностями, ищется в среде личных желаний и вкусов индивидов. Потребности, понимаемые таким образом, не могут быть родовыми сущностными силами и выступать фактором научного изучения с позиций ценностно-смысловых комплексов. Авторы второго подхода не учитывают различного уровня существования категории производственных отношений и потребности: производственные отношения – одна из наиболее глубоких абстракций науки и нет оснований утверждать подобное же существо потребностей. Кроме того, потребности отражают и производительные силы; сведение же потребностей к отношениям лишает первые самостоятельного существования вне вторых, собственной определенности. В третьей из перечисленных позиций упускается пограничность сущностных сил в среде объективных и субъективных явлений; объективизация потребностей вплоть до объявления их элементами окружающего мира также ведет к отторжению их от человека, в то время как вне человека человеческих потребностей нет. Наконец, четвертая точка зрения упускает возможность безразличного отношения человека к отсутствию определенных предметов: недостаток может не ощущаться как необходимость, не формировать нужды в отсутствующем.

Наиболее активно понятие потребности сейчас деформируется сведением ее либо к личностной характеристике человека, либо к свойству предмета, объекту потребности. Во-первых, нужно отличать объект потребности от предмета, вещи. Объектом может выступать и процесс – к примеру, деятельность. При этом характеристика объекта является выражением заданности субъекту форм его деятельности по удовлетворению потребностей, представляя собой определенную сторону общественно-природной детерминации, предмета же – фиксирует конкретный, чувственно непосредственный способ включенности личности как субъекта в совместный с другими людьми целостный процесс жизнедеятельности и выявляет тем самым иную сторону той же детерминации. Во-вторых, нетождественность как объекта, так и субъекта потребности ей самой доказывается участием различных предметов и процессов в удовлетворении одной и той же потребности, удовлетворением одним предметом различных потребностей и динамизмом того и другого.

В процессе антропосоциогенеза ценностно-смысловые комплексы создают и совершенствуют ресурсную базу, а также аппарат своей реализации. Ошибкой было бы при этом как отрицать связь ценностей с потребностями, интересами, способностями, так и сводить их к более фундаментальным родовым силам. Так, нет оснований трактовать ценности как нечто тождественное

потребностям или интересам. Именно по близости к последним ценности и делятся на ценности практической деятельности и абсолютные (“высокие”) ценности. Первые в основном зависят от потребностей, интересов, способностей, целей, вторые сами полагают жизненный смысл всех родовых сил. Ценностная ситуация включает в себя предметные ценности (ценностные характеристики предмета), ценностные представления (ценностное сознание), процессы полагания ценностей-смыслов, ценностей-идеалов и норм-требований при создании концепции поведения и регулирования деятельности целями или нормативами, ценностные ориентации, которые могут и не осознаваться, а также оценку (взаимооценку). Причем каждый из этих феноменов сам по себе не только не создает ценность, но и может существенно отличаться от нее. Ценности фиксируют значимость объекта в отличие от факта его существования. Как процесс производства жизни человека представляет собой единство общественных и естественных отношений, так и ценности имеют социально-природный характер. При этом и природа превращается в носителя взаимосвязей людей и часть человеческого бытия только в обществе, что предопределяет принципиальное расхождение роли деятельности и сознания, с одной стороны, общества, с другой – индивида. Ценности возникают с появлением общественного сознания и производства, оставаясь – как родовые силы – внешними по отношению к сознанию каждого отдельного труженика. Проблема ценностей – это проблема социального инобытия, рефлексии в иное, идеальной представленности социального в предметном мире. Предмет как ценностная предметность – инобытие субъекта, оценивающего в нем свою (других) представленность, элемент культурной репрезентации (по известному выражению, в пиле овеществлена функция распиливания). В результате объективная значимость и субъективная оценка значимости могут расходиться очень заметно. Ценности поэтому не сводимы к объектам, субъектам или их свойствам, а возникают как результат объективации субъекта (или субъективации объекта). Устойчивые оценки человечеством действительности фиксируются в форме ценностных стандартов, которыми выступают разнообразные нормы, нормативы, идеалы, традиции. Ценностные стандарты характеризуют не утилитарную значимость, а противостояние добра злу, имеющее не отвлеченную, а практическую сущность. В то время как социальные нормы и нормативы относительно (на них влияет общественное положение их носителей), сама их соотносительность, взаимообусловленность принимает формы прямые либо косвенные. Цель человеческой деятельности вообще не может устойчиво существовать без надежного и убедительного этического обоснования, укорененности в ценностно-смысловых комплексах. Их достройка осуществляется крайне активно, в том числе средствами антропосоциотрансформации.

Совокупность имеющихся потребностей того или иного субъекта формирует систему его интересов. Интерес представляет собой дальнейшее движение социальных отношений ценностно-смысловых комплексов от абстрактного к конкретному, реализуясь

как форма социальных отношений и, одновременно, самостоятельная сущность – менее глубокая, нежели потребность. Интерес достаточно близок потребности из-за общих истоков (социальные отношения), природы (сущностные силы), роли в реализации отношений (потребности – опосредующие звено между отношениями и интересами, интересы – формы потребностей). Однако эту близость нельзя понимать как полное тождество: при общих, созданных способом производства, потребностях интересы различных движущих сил истории различны.

При доминировании в обществе принципа возмездности интерес прямо ориентирован на качество жизни, соответственно – на те или иные отношения распределения, которые непосредственно отражают достигнутый уровень социального равенства. Как правило, интерес формируется не одной какой-либо потребностью, а всей совокупностью их, действующих на субъект. Если потребность – это необходимость в деятельности, то интерес – направленность этой деятельности, он отражает и способ удовлетворения потребности: в понятии интереса отношения между людьми обогащены общественными отношениями к деятельности как способу удовлетворения потребности, стремлением к присвоению этой деятельности. Так, потребность есть и у животных, но интерес производится от социальных систем потребностей. Если способ производства вырабатывает установку на удовлетворение определенных потребностей, эти потребности возникают независимо от социальной принадлежности (хоть удовлетворяются в соответствии с ней). Физиологические потребности общи всем людям, социальные – различны в зависимости от положения их субъекта в структуре общества, интеллектуальные – в соответствии с развитием самого человека как личности. Интерес же преимущественно связан с общественными отношениями. Общественный интерес имеет, как правило, и выражение через интересы корпоративные и личные, и самостоятельные особые воплощения. В то же время, по нашему мнению, личный интерес – это не только форма реализации общественного и группового: он имеет и самостоятельную сущность, и обособленное существование. Как самостоятельный вид интересов, личный интерес аккумулируется в совокупном интересе личности, представляющем собой личностный срез всех наличествующих интересов (общественных, корпоративных, личных), субъектом которых является индивид в единстве его задатков и способностей.

Как фактор ценностно-смысловых комплексов потребности и интересы тесно связаны со способностями человека. Причем, на наш взгляд, понятие “задатки” первично для категории “способности”. Основу задатков составляют природные склонности человека, которые предопределяются во многом анатомически-физиологическими особенностями нервно-мозгового аппарата. Они выражаются в предпочтении деятельности, связанной с работой преимущественно головой или руками, на одном месте или перемещаясь, в деревне, малом или большом городе, с большим или малым коллективом, наедине или в общении, характер труда и проч. Но, хоть абстрагироваться от природных особенностей

полностью и нельзя, у человека, в отличие от животных, нет биологической инстинктивной предопределенности к какому-либо одному, заранее известному, виду жизнедеятельности. Способности человека складываются не только в выполнении “заказа” со стороны общества; человек и сам по-разному относится к различным стремлениям и задаткам в зависимости от жизненных целей, ориентаций, лишь немногие из них развивая до способностей.

Способности отличны от задатков деятельностно-результативным и естественно-социальным характером. Если задатки, по нашему мнению, суть потенциальные возможности человека, то способности выступают мерой активности реализации этой возможности в актуальной деятельности. Нереализованные в активности задатки способностями не становятся. Активность – способ мобилизации и реализации ценностно-смысловых комплексов, всеобщая форма существования и развития способностей. Если ценностно-смысловые комплексы ничем не проявляют себя, их нет (возможно, уже нет). Развитие способностей с этих позиций тождественно их существованию: они воспроизводятся только в развитии. Активность – не обязательно признак способностей и несоразмерна им, но отсутствие ее – верный признак отсутствия соответствующих задатков; активность – не гарантия, но условие и необходимый признак способностей. Вместе с тем, творческая активность реализуемых способностей не всегда превращается в деятельность: особую роль играют общественные условия развития и использования дарований. Нельзя согласиться и признать верным расхожее утверждение о способностях как только потенциальных сущностных силах ценностно-смысловых комплексов: действительно, а не в воображении существуют только те способности, которые реализуются в общественной практике и тем подтверждают свою истинность. Кроме того, способности имеют естественно-социальный характер. Под этим понимается единство в формировании способностей и в их природе факторов биологических и общественных. Даже задатки, имея своим основанием природные данные (врожденную дифференциацию возможностей, одаренности), испытывают влияние общественного развития. Так, например, задатки к экономической деятельности получают разное воплощение в первобытной общине и при классическом индустриализме. И в рамках одного строя при аналогичных задатках и способностях представители разных социальных слоев и групп имеют разные шансы на раскрытие, объективизацию их. А то, какие именно задатки и в какой мере будут развиты в способности, зависит от сочетания параметров антропосоциогенеза: разделения труда, уровня производительных сил, формы собственности, культурных традиций, корпоративной принадлежности и др.

Потребности и интересы формируют цели социально-политического процесса. По нашему мнению, при этом следует выделять объективные цели экономических закономерностей и законов – и объективно-субъективные цели, выдвигаемые и преследуемые в своей деятельности людьми. Вторые часто не совпадают с первыми из-за неразвитости

самих законов, неокончателности их познания, преследования субъектами деятельности своих собственных интересов. Все это и имели в виду исследователи, когда говорили об иронии истории. Но цели субъекта деятельности и самой деятельности различны не только в историческом процессе, но и в общественном воспроизводстве. Отсюда – расхождение цели субъекта и результата его деятельности. Поэтому для теоретико–социологического анализа социального управления трудовыми отношениями крайне важным представляется анализ объективной основы и объективно–субъективного воплощения целей для решения конкретных народно–хозяйственных задач, разграничения целесообразности как факта природы и целеполагания как атрибута исключительно человеческой деятельности.

Понятие целесообразности относится к характеристике упорядочения и согласования объективных, в том числе – дочеловеческих и внечеловеческих явлений, в соответствии с которыми происходит их развитие, повышение сложности, оптимизация. Вырабатывать же и преследовать собственные цели – свойство сознательной рефлексивной деятельности. Для животных и автоматов целеполагание как таковое излишне: им нет необходимости планировать свою деятельность и создавать идеальные образы дальнейших операций, поскольку эти планы им даны изначально. Животным – от рождения инстинктом, механизмам и автоматам – при создании человеком. Отсутствие у человека инстинктивного плана жизнедеятельности требует сознательного целеполагания и кооперации с другими, что и реализуется в процессах мироощущения и мировоззрения индивида. Особое значение для реализации целей имеет учёт и познание объективных условий, выбор адекватных целям средств: из должного сущее не выводимо, в подобной ситуации средства имеют тенденцию к подчинению себе целей, подмене их. Реализация цели требует обязательного знания о закономерностях окружающего мира. Если целесообразность может существовать и вне прямой детерминации внутренними, сущностными законами взаимодействия сил, лишь в конечном итоге приводя к их выполнению, то целеполагание позволяет учитывать их изначально, значит – уменьшать потери, оптимизируя путь развертывания ценностно–смысловых комплексов и развития культурно–цивилизационного мира. Вместе с тем выбор неверных средств ведет к достижению иной цели. С одной стороны, это положение может интерпретироваться как не достижение неверными средствами поставленной цели, с другой – как достижение новой цели, которая и подобрала себе соответствующие средства.

Цель не только определяет действие, но и сама определяется им. Взаимосвязь цели и действия имеет вид не только “будущее – настоящее”, но и “полагаемое – положенное”, средства действия – это часть цели. Для этого важна реализация максимы Махатмы Ганди: “Заботьтесь о средствах, а цель позаботится о себе сама”. Как подчеркивал Гегель, средство в скрытом виде вмещает до себя цель. Средства не только осуществляют, формируют, но и выверяют цель. Как известно, цель, для которой требуются неправые

средства, не есть правая цель. Вместе с тем, само по себе целеполагание не есть действие, хоть и требует (“полагает”) его. Целеполагание включает познание и оценку окружающего мира, постановку и коррекцию цели, выработку способа и путей достижения. Поэтому необходимостью обеспечения конкурентоспособности цивилизации становится и усиление роли экспертного сообщества, конкуренция подходов, максимально возможное участие каждого в принятии решения (эффект агоры). Для этого, в свою очередь, целесообразно также становится эффективное развитие местного самоуправления, народного контроля и федеративному принципу. При использовании надлежащих мер регулирования разнообразие – не база конфликтов, а залог развития и успеха. Согласно необходимо использование технологий обеспечения постсовременных информационных воздействий – стимулирование позитивных изменений и прогрессивных общественных мутаций. Действительно, и конкретные потребности, и способ труда как средство их становления и как основная форма жизнедеятельности человека, представляют собой две стороны одного и того же процесса – производства и воспроизводства самого человека, и его культурно–цивилизационного мира. Потребности сами по себе всегда выступают как внутреннее свойство личности, а отношение к труду есть, в сущности, отношение к своему собственному производству и воспроизводству. Следовательно, оба эти фактора непосредственным образом управляют поведением людей, связаны со стимулами деятельности.

Кроме того, приближаясь к постмодернистской действительности, имеет смысл отличать в числе всех стимулов мотивы. Сейчас не только понятие стимула активно осваивается психологией, но и мотива – экономикой. Социальный аспект явно различим в обоих. Мотив, с одной стороны, не всегда и не обязательно совпадает с причиной действия; поведение может обеспечиваться разным сочетанием стимулов и мотивов. С другой стороны, в мотивах сильнее акцентирован идеальный момент. Кроме того, достаточно часто мотивы реализуются как внутренние субъективные побуждения, взаимосвязь которых со стимулами имеет асимметричный характер. Интерес, реализованный с помощью стимулов в системе стимулирования, вызывает появление заинтересованности и предопределяет отношение. Заинтересованность, таким образом, это – осуществление единства совокупности интересов и стимулов в системе стимулирования. Как и предшествующие элементы, заинтересованность – категория всеобщая, общеэкономическая.

Таким образом, благодаря выявленной логике и ряду опосредований, ценностно–смысловые комплексы не только получают возможности своей реализации в антропосоциогенезе, но и становятся эффективным направлением трансформаций (при развитии тенденции постмодерна, в первую очередь, путём стимулирования желательных изменений) [22–33]. По нашему мнению, перечисленный категориальный ряд имеет своим ядром взаимосвязи по реализации ценностно–смысловых комплексов, характеризующих особое значение категорий способностей, ценностей и смыслов и

формируючих в процесі свого розвертвання такої, наприклад, концептуальний корелят, як “способ производства – потребность – интерес – стимул – заинтересованность – отношение к миру и деятельности – творческая активность”. Все это не только позволяет, но и требует при решении ряда общеметодологических вопросов рассматривать их в единстве. Поэтому особое значение для определения отличий категорий (абстрактно–конкретное, сущность более–менее глубокая, сущность–форма) приобретает выяснение очередности их следования. При этом проблемы должны решаться комплексно, а не изолированно для каждого элемента.

Таким образом, посредством разнообразных инструментов ценностно–смысловые комплексы позволяют сохраниться и развиваться обществу и человеку, выполняя мировоззренческо–гносеологическую, онтологическую, мотивационно–действенную функции, оказываясь важнейшим фактором не только реализации объективных закономерностей антропосоциогенеза, но и целенаправленного влияния на него (а одухотворённость и реализуется в изменении шаблонов). Применение ценностно–смысловых комплексов позволяет решать задачи аналитические, прогностические и конструктивные, существенно повышая действенность социального управления [34–40]. В социально–политическом плане, по мнению Джульетто Кьезы, “на смену либеральной демократии приходит популизм, на смену выборам – плебисциты. ...Вместо общественного мнения, родившегося в реальной дискуссии и соперничестве закономерных интересов по общепринятым правилам, появляется неразличимая масса телезрителей, которой даже манипуляторы испытывать на ней свой цинизм... выставляя на общественное порицание тех, кто осмеливается призвать к трезвости и критике” [41, с. 261], (см., также, [8, р. 8–13; 42]).

Нынешняя сумятица смыслов, мгновенное устаревание знаний и любой (природной ли, социальной ли) обстановки и среды жизнедеятельности, отсутствие прочной основы в цикличности процессов, – все это требует от городского жителя умения полагаться на самого себя, готовности к любым возможным переменам, отсутствия сервильности и подобострастия. Однако (и это блестяще схвачено в художественной форме, например, в сравнительных характеристиках О’Генри) то, какой именно стороной обернутся эти множественные отличия, часто зависит от создаваемой среды и управленческих решений.

Перспективы дальнейших научных разведок в данном направлении связаны, по нашему мнению, как с изучением социального и индивидуального измерения сущности концептуального корелята, так и с компаративистикой в сфере социокультурной статики и динамики, включая возможности ресурсной базы ретранализа и партисипаторного акционистского исследования.

Список использованных источников

1. Буравой М. За публичную социологию / М.Буравой // Общественная роль социологии / [под ред. П.Романова, Е.Ярской–Смирновой]. – М. : ООО “Вариант”; ЦСПГИ, 2008. – С. 8–51.
2. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов

3. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / М. Вартофский. – М. : Прогресс, 1988. – 506 с.
4. Мангейм Д.Б. Политология. Методы исследования / Д.Б. Мангейм, Р.К. Рич. – М. : Весь Мир, 1997. – 544 с.
5. Nisbet R. Social change / R.Nisbet. – Oxford : Blackwell, 1972. – 270 p.
6. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии / В.А. Вазюлин. – М. : Изд–во Моск. ун–та, 1988. – 328 с.
7. Ануфриев Е.А. Социальная роль и активность личности / Е.А. Ануфриев. – М. : Изд–во Моск. ун–та, 1971. – 157 с.
8. Kurth J. Toward the Postmodern World / J.Kurth // Dialogie. – 1993. – № 2. – Р. 8–13.
9. Крымский С.Б. Ценностно–смысловой универсум Н.А. Бердяева / С.Б. Крымский // Метаморфозы свободы: спадщина Бердяева в сучасному дискурсі (до 125–річчя з дня народження М.О. Бердяєва). Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. – 2003. – Вип.1. – С. 6–12.
10. Ручка А.А. Ценностный подход в системе социологического знания / А.А. Ручка. – К. : Наук. думка, 1976. – 156 с.
11. Розин Л.А. К вопросу о природе ценностных явлений / Л.А. Розин // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 89–93.
12. Йоас Х. Возникновение ценностей / Х.Йоас. – СПб. : Алетей, 2013. – 312 с.
13. Бакиров В.С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора / В.С. Бакиров. – Х. : Вища шк., 1988. – 149 с.
14. Шедяков В.С. Життєві цінності населення в контексті перспектив модернізації країни / В.С. Шедяков // Соціальна психологія. – 2012. – № 1–2. – С. 11–20.
15. Магун В. Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Ст.1. / В.Магун, М.Руднев // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 3 (89). – С. 21–34.
16. Шайгородський Ю.Ж. Цінності як детермінанти суспільного розвитку / Ю.Ж. Шайгородський // Сучасна українська політика. – 2012. – Вип.26. – С. 219–228.
17. Шедяков В.С. Ціннісно–смыслові комплекси: з минулого в майбутнє, від культури традиційної до постмодерної / В.С. Шедяков // Економіст. – 2014. – № 8 (334) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ua-ekonomist.com/8173-cnnsno-smislov-kompleksi-z-minulogo-v-maybutnye-ud-kulturi-tradicynoyi-do-postmodernoyi.html>.
18. Шедяков В.Е. Ценностно–смысловые комплексы культурно–цивилизационного мира в контексте стратегии подготовки и реализации ответов на вызовы времени / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2014. – Ч.1. – № 2 (45). – С. 81–89; 2014. – Ч.2. – № 3 (46). – С. 153–165.
19. Шедяков В.С. Продуктивне соціокультурне поле економічного розвитку / В.С. Шедяков [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ua-ekonomist.com/6613-produktivne-socokulturne-pole-ekonomichnogo-rozvitku.html>.
20. Брожик В. Марксистская теория оценки / В.Брожик. – М. : Прогресс, 1982. – 184 с.
21. Платонов К.К. Проблемы способностей / К.К. Платонов. – М. : Наука, 1972. – 312 с.
22. Шедяков В.С. Боротьба смислів і протистояння стратегій: регіонально–цивілізаційний вимір / В.С. Шедяков // Політичний менеджмент. – 2012. – № 3. – С. 31–42.
23. Шедяков В.С. Стратегічна конкуренція макрорегіонів і стимулювання бажаних трансформацій / В.С. Шедяков // Віче. – 2012. – № 22 (331). – С. 30–32.
24. Шедяков В.С. Конкуренція смислів і протистояння стратегій соціально–інформаційних систем / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2013. – № 2 (17). – С. 109–114.
25. Шедяков В.Е. Актуализация ценностно–смысловых комплексов культурно–цивилизационного мира как условие успешного участия в стратегической конкуренции / В.Е. Шедяков // Государство и общество в современной политике: Сборник статей. – Воронеж: Научная книга, 2013. – Вып. 1. – С. 158–168.
26. Шедяков В.С. Технології соціального управління в практиці постсучасності / В.С. Шедяков // Соціальна психологія. – 2008. – № 6 (32). – С. 25–34.
27. Шедяков В.С. Стратегічне управління модернізацією

соціальних відносин / В.С. Шедяков // Соціальна психологія. – 2009. – № 1 (33). – С. 85–92.

28. Шедяков В.Е. Ценностные корреляты элиты и среднего класса: к вопросу о субъектности модернизационных процессов в регионах / В.Е. Шедяков // Регионы в современном мире – 2014: Матер. Междунар. научно–практ. конф. – Пермь, 2014. – С. 26–29.

29. Шедяков В.Е. Стратегические трансформации методологий социального управления в осуществлении общественных интересов культурно–цивилизационного мира / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.

30. Шедяков В.С. Стимулювання бажаних трансформацій шляхом інформаційних впливів в умовах постсучасності / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2009. – № 1 (4). – С. 65–71.

31. Шедяков В.С. Стимулювання бажаних трансформацій у системі соціальних технологій здійснення інформаційних впливів / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2009. – № 2 (5). – С. 82–86.

32. Шедяков В.С. Можливість використання специфіки інформаційної взаємодії соціальних систем та безсистемних цілісностей / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 1 (7). – С. 79–84.

33. Шедяков В.С. Організація асиметричних впливів інформаційних систем / В.С. Шедяков // Сучасні інформаційні технології у сфері безпеки та оборони. – 2010. – № 2 (8). – С. 71–75.

34. Шедяков В.С. Якість соціального управління як чинник національної безпеки / В.С. Шедяков // Стратегічна панорама. – 2009. – № 1. – С. 39–43.

35. Шедяков В.С. Економічна свобода і духовно–ціннісна консолідація: завдання якісного соціального управління / В.С. Шедяков [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://ua-ekonomist.com/6434-ekonomichna-svoboda-duhovno-cnnsna-konsolidatsiya-zavdannya-yaksnogo-socialnogo-upravlnnya.html>.

36. Шедяков В.Е. Ценностно–смысловые комплексы в осуществлении стратегического управления на основе мягкой силы / В.Е. Шедяков // Экзистенційні та комунікативні питання управління: Матеріали Міжнар. наук.–практ. конф. – Суми, 2014. – Ч. 1. – С. 80–84.

37. Шедяков В.С. Використання міфологічних конструкцій в інформаційному впливі: можливості та обмеження / В.С. Шедяков // Політологічний вісник. – 2012. – Вип. 65. – С. 422–433.

38. Шедяков В.С. Ціннісно–смыслові комплекси у створенні та підтримці суспільного середовища соціокультурної мобілізації / В.С. Шедяков // Гілея. – 2013. – № 78 (11). – С. 247–252.

39. Шедяков В.Е. Культурно–цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы / В.Е. Шедяков // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 46–66.

40. Шедяков В.Е. Информационные воздействия в периоды избирательных кампаний Украины (1991–2012): стратегии, технологии, инновации / В.Е. Шедяков, Д.Д. Попов, Л.Ф. Гаврилова; общ. ред. П.Д. Морозова. – К.: Преса України, 2012. – 152 с.

41. Кьеза Д. Прощай, Россия! / Джульетто Кьеза. – М.: Изд–во Гея, 1997. – 272 с.

42. Тойнби А.Д. Цивилизация перед судом истории / А.Д. Тойнби. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.

References

1. Buravoi M. Za publichnuu sotciologiu / M.Buravoi // Obshchestvennaya rol' sotciologii / [pod red. P.Romanova, E.Yarskoi–Smirnovoi]. – М.: ООО “Variant”, TCSPI, 2008. – С. 8–51.

2. Plotinskii U.M. Modeli sotcial'nyh processov / U.M. Plotinskii. – М.: Logos, 2001. – 296 s.

3. Vartofskii M. Modeli. Reprezentatsiya i nauchnoe ponimanie / M.Vartofskii. – М.: Progress, 1988. – 506 s.

4. Mangeim J.B. Politologiya. Metody issledovaniya / J.B. Mangeim, R.K. Rich. – М.: Ves' Mir, 1997. – 544 s.

5. Nisbet R. Social change / R.Nisbet. – Oxford: Blackwell, 1972. – 270 p.

6. Vazulin V.A. Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii / V.A. Vazulin. – М.: Izd–vo Mosk. un–ta, 1988. – 328 s.

7. Anufriev E.A. Sotcial'naya rol' i aktivnost' lichnosti / E.A. Anufriev. – М.: Izd–vo Mosk. un–ta, 1971. – 157 s.

8. Kurth J. Toward the Postmodern World / J.Kurth // Dialogie. – 1993. – № 2. – P. 8–13.

9. Krymskii S.B. Zennostno–smyslovi universum

N.A. Berdyayeva / S.B. Krymskii // Metamorfozy svobody: spadshchina Berdyayeva v sучasnomu diskursi (do 125–richya z dnya narodzhennya M.O. Berdyayeva). Visnyk Tovarystva rossiis'koi filosofii pri Ukrainkomu filosofsk'komu fondi. – 2003. – Vyp. 1. – S. 6–12.

10. Ruchka A.A. Zennostnyi podhod v sisteme sotciologicheskogo znaniya / A.A. Ruchka. – К.: Nauk. dumka, 1976. – 156 s.

11. Rozin L.A. K voprosu o prirode zennostnyh yavlenii / L.A. Rozin // Filosofskie nauki. – 1989. – № 6. – С. 89–93.

12. Ioas H. Vozniknovenie tcnnostei / H.Ioas. – SPb.: Aleteiya, 2013. – 312 s.

13. Bakirov V.S. Tcennostnoe soznanie i aktivizatsiya chelovecheskogo faktora / V.S. Bakirov. – H.: Vishcha shk., 1988. – 149 s.

14. Shedyakov V.E. Zhittevi zinnosti naseleniya v kontexti perspektiv modernizatsii krainy / V.E. Shedyakov // Social psychology. – 2012. – № 1–2. – С. 11–20.

15. Magun V. Zhiznennye zennosti naseleniya Ukrainy: sravnenie s 23 drugimi evropeiskimi stranami. St.1. / V.Magun, M.Rudnev // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2007. – № 3 (89). – С. 21–34.

16. Shaigorodskii U.Zh. Zinnosti yak determinant suspil'nogo rozvitku / U.Zh. Shaigorodskii // Sучasna ukrains'ka politika. – 2012. – Vyp.26. – С. 219–228.

17. Shedyakov V.E. Zinnisno–smyslovi komplexy: z minulogo v maibutne, vid kul'tury traditziinoi do postmodernoї / V.E. Shedyakov // Ekonomist. – 2014. – № 8 (334) [Elektronnyj resurs]. – Reszim dostupa: <http://ua-ekonomist.com/8173-cnnsno-smislov-kompleksi-z-minulogo-v-maibutnye-vid-kulturi-tradicynoi-do-postmodernoi.html>.

18. Shedyakov V.E. Zennostno–smyslovye komplexy kul'turno–tzivilizatsionnogo mira v kontexte strategii podgotovki i realizatsii otvetov na vyzovy vremeni / V.E. Shedyakov // VUZ. XXI vek. – 2014. – Ch.1. – № 2 (45). – С. 81–89; 2014. – Ch.2. – № 3 (46). – С. 153–165.

19. Shedyakov V.E. Produktivne sotciokul'turne pole ekonomichnogo rozvitku / V.E. Shedyakov [Elektronnyj resurs]. – Reszim dostupa: <http://ua-ekonomist.com/6613-produktivne-socokulturne-pole-ekonomichnogo-rozvitku.html>.

20. Brozhik V. Marxistskaya teoriya otsenki / V.Brozhik. – М.: Progress, 1982. – 184 s.

21. Platonov K.K. Problemy sposobnosti / K.K. Platonov. – М.: Nauka, 1972. – 312 s.

22. Shedyakov V. Borot'ba smysliv i protystoyannya strategij: regionalno–tsuvilizatsiinyj vumir / V.Shedyakov // Politychnyj menejment. – 2012. – № 3. – С. 31–42.

23. Shedyakov V.E. Strategichna konkurentciya makroregioniv i stymuluvannya bazhanyh transformatsii / V.E. Shedyakov // Viche. – 2012. – № 22 (331). – С. 30–32.

24. Shedyakov V.E. Konkurentciya smysliv i protystoyannya strategii sotcial'no–informatciinyh system / V.E. Shedyakov // Sучasni informatciini tehnologii u sferi bezpeki ta obrony. – 2013. – № 2 (17). – С. 109–114.

25. Shedyakov V.E. Aktualizatsiya zennostno–smyslovyh kompleksov kul'turno–tzivilizatsionnogo mira kak uslovie uspešnogo uchastiya v strategicheskoy konkurentcii / V.E. Shedyakov // Gosudarstvo i obshchestvo v sovremennoj politike. – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2013. – Vyp.1. – С. 158–168.

26. Shedyakov V.E. Technologii sotcial'nogo upravlnnya v practytci postsuchasnosti / V.E. Shedyakov // Social psychology. – 2008. – № 6 (32). – С. 25–34.

27. Shedyakov V.E. Strategichne upravlnnya modernizatsieju sotcial'nyh vidnosin / V.E. Shedyakov // Social psychology. – 2009. – № 1 (33). – С. 85–92.

28. Shedyakov V.E. Tsennostnye korrelyaty elity i srednego klassa: k voprosu o subektnosti modernizatsionnyh processov v regionah / V.E. Shedyakov // Regiony v sovremennom mire. – 2014: mater. Mezhdunar. nauchno–prakt. konf. – Perm', 2014. – С. 26–29.

29. Shedyakov V.E. Strategicheskie transformatsii metodologii sotcial'nogo upravleniya v osushchestvlenii obshchestvennyh interesov kul'turno–tcivilizatsionnogo mira / V.E. Shedyakov // Gileya. – 2013. – № 76 (9). – С. 190–194.

30. Shedyakov V.E. Stymuluvannya bazhanyh transformatsii shlyhom informatciinyh vplyviv v umovah postsuchasnosti / V.E. Shedyakov // Sучasni informatciini tehnologii u sferi bezpeki ta obrony. – 2009. – № 1 (4). – С. 65–71.

31. Shedyakov V.E. Stymuluvannya bazhanyh transformatsii u sistemі sotcial'nyh tehnologii zdiisnennya informatciinyh vplyviv / V.E. Shedyakov // Sучasni informatciini tehnologii u sferi bezpeki ta obrony. – 2009. – № 2 (5). – С. 82–86.

32. Shedyakov V.E. *Mozhlyvosti vykorystannya spetsyfiki informatsiinoi vzaemodii sotcial'nyh system ta bezsystemnyh tcilisnostei / V.E. Shedyakov // Cuchasni informatsiini tehnologii u sferi bezpeki ta oborony. – 2010. – № 1 (7). – S. 79–84.*

33. Shedyakov V.E. *Organizatciya asymetrichnyh vpluviv informatsiinyh system / V.E. Shedyakov // Cuchasni informatsiini tehnologii u sferi bezpeki ta oborony. – 2010. – № 2 (8). – S. 71–75.*

34. Shedyakov V.E. *Yakist' sotsial'nogo upravlinnya yak chinnyk natsional'noj bezpeki / V.E. Shedyakov // Strategichna panorama. – 2009. – № 1. – S. 39–43.*

35. Shedyakov V.E. *Ekonomichna svoboda i dukhovno–tcinnosna konsolidatciya: zavdannya yakissnogo sotcial'nogo upravlinnya / V.E. Shedyakov [Elektronnyj resurs]. – Reszim dostupa :http://ua-ekonomist.com/6434-ekonomichna-svoboda-duhovno-cinnsna-konsolidatciya-zavdannya-yakissnogo-sotsialnogo-upravlinnya.html.*

36. Shedyakov V.E. *Zennostno–smyslovyje komplexy v osushchestvlenii strategicheskogo upravleniya na osnove mzgkoi sily / V.E. Shedyakov // Ekzistentciini ta komunikativni putannya upravlinnya: Mater. Mizhnar. nauk.–prakt. konf. – Sumy, 2014. – Ch.1. – S. 80–84.*

37. Shedyakov V.E. *Vykorystannya mifologichnyh konstrukcii v informatsiinomomu vpluvi: mozhlyvosti ta obmezheniya / V.E. Shedyakov // Politologichniy visnyk. – 2012. – Vyr. 65. – S. 422–433.*

38. Shedyakov V.E. *Zennisno–smyslovi komplexy u stvorenni ta pidtrymci suspil'nogo seredovishcha sotciokul'turnoi mobilizatcii / V.E. Shedyakov // Gileya. – 2013. – № 78 (11). – S. 247–252.*

39. Shedyakov V.E. *Kul'turno–tcivilizacionnye miry i provedenie novoi modernizatcii: demifologizatciya problemy / V.E. Shedyakov // VUZ. XXI vek. – 2012. – № 1. – S. 46–66.*

40. Shedyakov V.E. *Informatsionnye vozdeistviya v periody izbiratel'nyh kampanij Ukrainy (1991–2012): strategii, tehnologii, innovatsii // V.E. Shedyakov, D.D. Popov, L.F. Gavrilo; obshch. red. P.D. Morozova. – K. : Presa Ukrainy, 2012. – 152 s.*

41. K'eva D. *Proshchai, Rossiya! / Jul'etto K'eva. – M. : Izd-vo Geya, 1997. – 272 s.*

42. Toinbi A.D. *Tsivilizatciya pered sudom istorii / A.D. Toinbi. – M. : Progress, 1990. – 367 s.*

Shedyakov V. E., Dr. Sc. (Sociology), Ph.D. (Economics), free-lance (Ukraine, Kiev), shedyakov@mail.ru

Value–semantic complexes as a factor of anthroposociogenesis

The role of values and meanings complexes in the implementation as objective historical transformation of cultural and civilizational worlds, and the feasibility of the subjective effects is studied. To do this, place the content and capabilities of values, goals, needs, abilities, interests, incentives, interest in an attitude towards the world in social practice is analyzed. Processes of formation and action of value and meaning complexes characteristic of the human and cultural–civilizational world are studied. The conclusion about the promising ways to improve the efficiency of social and economic reforms is done. Prospects for further scientific intelligence in this area are implemented; we believe that through the study of social and individual nature of the conceptual correlate measurements, as well as comparative studies in the field of socio–cultural statics and dynamics, including the possibility of the resource base of retroanalysis and action participatory research.

Keywords: value–semantic complexes, development, anthroposociogenesis.

Шедяков В. Е., доктор соціологічних наук, кандидат економічних наук, незалежний дослідник (Україна, Київ), shedyakov@mail.ru

Ціннісно–сміслові комплекси як фактор антропосоціогенезу

Досліджується роль ціннісно–сміслових комплексів у реалізації як об'єктивних історичних закономірностей трансформації культурно–цивілізаційних світів, так і можливостей реалізації суб'єктивного впливу на них. Для цього аналізується місце, зміст і можливості у формуванні ставлення до навколишнього світу та суспільній практиці цінностей, цілей, потреб, здібностей, інтересів, стимулів, зацікавленості. Вивчаються процеси формування і дії ціннісно–сміслових комплексів, характерних для людини і культурно–цивілізаційного світу. Робиться висновок про перспективні шляхи підвищення ефективності соціально–економічних реформ. Перспективи подальших наукових розвідок у даному напрямку пов'язані, на нашу думку, як з вивченням соціального та індивідуального виміру сутності концептуального корелята, так і з компаративістикою в сфері соціокультурної статистики і динаміки, включаючи можливості ресурсної бази ретраналізу і партисипаторного акціоністського дослідження.

Ключові слова: ціннісно–сміслові комплекси, розвиток, антропосоціогенез.

* * *

УДК 111.852 Батай

Буцикіна Є. О.

аспірантка кафедри етики, естетики та культурології,
Київський національний університет ім. Тараса Шевченка
(Україна, Київ), gudzenkozh@gmail.com

ТРАНСГРЕСІЯ ЯК КОНСТИТУТИВНИЙ ЧИННИК ЛІТЕРАТУРНО–КРИТИЧНОЇ ТВОРЧОСТІ ЖОРЖА БАТАЯ

Зроблено естетичний аналіз концепції трансгресивного досвіду видатного французького мислителя й письменника Жоржа Батая на практичному рівні за рахунок дослідження його творчого та літературно–критичного доробку. В межах статті було застосовано принцип системності та принцип сутнісного аналізу, а також методи порівняльного аналізу, типологізації, біографізму тощо. Здійснено спробу виокремлення понять безформного, анти–естетичного, жорстокості, сміху, мовчання, метафоричності, які є основними термінами, що використовувалися французьким мислителем не лише у власних теоретичних працях, але й літературних творах. Розглянуто та проаналізовано літературно–критичний доробок Жоржа Батая на предмет наявності основних концептів трансгресивного досвіду, в результаті чого було виявлено наступні: трансгресивність, безформність, жорстокість (на прикладах творів В. Блейка, Ш. Бодлера та Е. Бронте).

Ключові слова: анти–естетичне, безформне, жорстокість, мовчання, сміх, трансгресивне.

Творчість французького філософа, письменника та літературного критика ХХ століття Жоржа Батая переважно осмислюється його дослідниками як пошук нової філософської мови. Він здійснював цей пошук, вживаючи провокативний досвід, пов'язаний з ідеєю принципової трансформації філософування взагалі. Однією з рис подібної трансформації є переплетення літературної та філософської мов, в чому виявилася особлива стилістика французьких постмодерністів (таких як Р. Барт, М. Бланшо, Ж. Дерріда, Ю. Крістева, Ж. Лакан, Ф. Соллерс, М. Фуко та інші).

На сьогодні вітчизняна філософська думка лише починає отримувати досвід експериментування з науковою мовою, її розширенням та переорієнтуванням на сучасний науковий дискурс. На наш погляд, приклад Жоржа Батая та його послідовників може бути корисним для сучасних українських вчених, зокрема – естетиків. Адже дослідження взаємодії мов різних рівнів призведе до виявлення специфічного естетичного досвіду, відповідного сучасній картині світу, особливо з точки зору естетики.

Вихід на дослідження нових категорій та концептів (безформне, анти–естетичне, жорстокість та інші), звертаючи увагу на наявний досвід французької гуманітаристики ХХ та початку ХХІ століть дозволить розширити та поглибити поле вітчизняних естетичних досліджень.

Прикладом для цього може стати низка зарубіжних напрацювань стосовно теоретичного та літературно–критичного доробку Жоржа Батая: починаючи від есе його безпосередніх послідовників, серед яких вже зазначені французькі філософи–постструктуралісти, і завершуючи сучасними дослідженнями: С. Ангер, Б. Бучанен, К. Дженкс, К. Ноланд, К. Рашке, Р. Вайт, Ж.–Ф. Фурні та інші. Також на сьогодні існує значний масив напрацювань, присвячених дослідженню ідей Жоржа Батая та інших представників французької філософії ХХ століття в Санкт–Петербурзі, серед авторів яких слід зазначити: М. Євстропова, С. Зенкіна, О. Тимофєєву та інших.

Слід визнати, що в Україні не вистачає досліджень, присвячених естетичним та культурологічним